

ВЫСТУПЛЕНИЕ ЛУНАЧАРСКОГО В ПЕТРОГРАДСКОМ СОВЕТЕ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

22 мая/4 июня 1917 г.

Публикация В. Д. Зельдовича

Это было первое политическое выступление Луначарского «в высших сферах» (как он сам его назвал), состоявшееся через две недели после возвращения из Швейцарии. Луначарский приехал в Петроград 9/22 мая 1917 г. В Швейцарии близ г. Веве в С.-Лежье оставалась А. А. Луначарская с сыном Анатолием.

В письме Луначарский описывает свое выступление против Керенского на заседании Совета рабочих и солдатских депутатов 22 мая/4 июня 1917 г.

«Дорогая детка! Вчера я лишний раз уверился в существовании „пророчества“, которое, несомненно, в большой мере обращает сейчас внимание на Россию и, в частности, на „мою малость“, как говаривал Бибель. Подумай — вчера я должен был говорить в Красном Селе. Товарищ, который взялся найти там помещение, пишет вдруг, что овладевшие там положением оборонцы помещения никакого сознательно и насильнически не дадут и что, кроме того, они так настроили солдат красносельского гарнизона против так называемого „пораженчества“, что выступление в Красном опасно. Конечно, я отвечаю юноше, чтоб он больше не писал мне глупостей. Если нет помещения, буду говорить на площади, а „страха не иму“. Я уже знаю теперь, как в полчаса можно не оставить от самого густого оборончества ни облачка. Мы с Каменевым буквально в полтора часа сделали из огромного завода „Вулкан“ (4000 рабочих) большевистский, а был он меньшевистско-оборонческий. Но не в этом дело. День у меня остался свободен. Это был Духов день, все порядочные рестораны закрыты. Я пообедал скверно и часов в 5 зашел к Филиппову выпить шоколаду. Вдруг кто-то меня окликает — Каменев! Чистый случай. То да се. „Вы свободны сегодня?“ — „Да“. — „Поедем в Совет¹. Сегодня министр Керенский говорит речь и оправдывается от левых нападок“.

Надо тебе сказать (<...>), что я в Совете ни разу не был, не тянуло. Мой план был закрепить свое влияние в низах. Кроме того, я, ты знаешь, сторонюсь парламентаризма, насколько могу, а культурной работы у меня скоро будет столько, что хоть отбавляй. У меня до сих пор нет даже карточки для входа на заседания Совета рабочих и солдатских депутатов. Так что когда я согласился, то не знал даже, удастся ли войти, но я почувствовал внутренний голос, совершенно явственно приказывающий: „иди, произойдет нечто. Ты сделаешь шаг вперед“. И я пошел. Прошел туда по рекомендации Каменева (члена Исполнительного Комитета) легко. Сижу. Описывать тебе блестящей залы Мариинского театра, заполненной солдатами и рабочими, сцены, затянутой занавесом из огромных цветов, президиум из министров-социалистов за красным столом — не буду. Является Керенский, молодой и стройный, в хаки и высоких са-

погах. Овация. Говорит короткими, хриплыми фразами, искренне, частью ловко, большей частью с благородной пустотой. О нас, критиках, „выражается“. Мы-де ведем с ним борьбу за глаза, путем сплетен „как трус!“

⟨...⟩ Есть один мягкотелый Каменев. Тогда решаюсь. Посылаю Чхеидзе такую записку: „Присутствую как гость, но, быть может, президиум найдет возможным предложить собранию выслушать мои возражения гражданину министру“. Между тем Керенский кончает и имеет успех. Прения решено открыть при пяти минутах каждому оратору. Кто-то заявляет: „Неужели критики нашего дорогого Александра Федоровича не выступят? А если выступят — дать им по 10 минут, ведь желательно знать, что они думают о блестящем опровержении их обвинений Керенским“. Чхеидзе заявляет: „В зале находится тов. Луначарский, по моим данным, он принадлежит к числу весьма определенных критиков правительства. Он просит слова. Желаете дать?“ — „Просим, просим“. Мои десять минут я употребил хорошо, не теряя попусту ни одного слова, я разрушил все аргументы Керенского. Хотя слово мне не продлили, хотя аплодировали мне главным образом большевики, но все собрание, равно как исполнительный комитет и министры (особенно Церетели) слушали меня с напряженным вниманием. Пусть затем перед Керенским вывешивали мешок медалей и крестов, присланных с фронта², пусть устроили ему театральную овацию — след остался. Ему не удалось серьезно пошатнуть в ответной (опять большой) речи ни одного моего положения. Он смотрел на меня, пока я говорил, прищурившись, словно мерил противника. Бедняга! Театрал и истерик ⟨...⟩. Он, вероятно, сломит себе шею на половинчатой позиции. Для буржуазии он и его все еще огромная популярность — ширма, и последняя позиция ее обороны, он последнее орудие империалистов. Ряд лиц, между ними Щупак, жена Суханова, Каменев, ряд большевиков-депутатов, поздравляли меня с речью. Это мое первое выступление в политических высших сферах, и я им доволен...»

ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 547, лл. 53—57.

Для того чтобы читатель более подробно ознакомился с описываемым Луначарским выступлением, изложим краткое содержание выступления Керенского, выступление самого Луначарского и ответы Керенского (выступления напечатаны в «Новой жизни» 24 мая/6 июня 1917 г., № 80).

Керенский начал с жалобы на то, что во время его отсутствия его деятельность подвергается критике и что Церетели ему сообщил о трех вопросах, которые этой критикой затрагиваются. Это вопрос о Финляндии и два военных. Его обвиняют в издании «декларации прав военнослужащих», хотя этот текст выработан особой комиссией Совета рабочих и солдатских депутатов еще при бывшем военном министре ⟨Гучкове⟩, но тот, опасаясь дезорганизации армии, ее не опубликовал. Зная положение солдат в демократических странах, он должен сказать, что декларация — это огромный шаг вперед, и к ней нечего добавить. Его ругают за пункт 14³, который допускает насильственное принуждение к повиновению на фронте. Но это выработал совет Р. и С. Д., и многие были за это. Восстают и против того, что декларация уничтожает выборность должностных лиц в армии. Кроме того, на него, Керенского, взводят всякие измышления, в то время как материалов для нападок на него нет. А вообще он не читает материалов о своих поездках. Пусть пишут что хотят, его судить должно за дела, а не за разговоры о них. В вопросе о мире с немцами нужно ориентироваться на международную обстановку, а не кустарничать. Дипломатия — особая статья, а могучая армия — сильнейший аргумент и поддержка. Работа его, Керенского, очень трудна, а дезорганизаторам легко, и это может привести к серьезным последствиям.

О наступлении. Он не хочет решать заранее, когда оно состоится. Это зависит от военной техники и обстановки. Армия должна быть готовой и боеспособной. Но он, Керенский, всегда настаивал на приближении конца войны. Что касается его лично, то его государственная деятельность открыта: «не первый год работаю во имя русской де-

ЛУНАЧАРСКИЙ СРЕДИ ДЕМОНСТРАНТОВ НА МАРСОВОМ ПОЛЕ
НАКАНУНЕ ОТКРЫТИЯ II СЪЕЗДА СОВЕТОВ

Петроград, октябрь 1917 г.

Фотография

мократии, отдавая все силы и время». Он-де, Керенский, шел «без окольных дорог», а к нему допускают все способы борьбы, добросовестные и недобросовестные, — например, обвиняют в узурпации. Упрекают в том, что он не является в Совет, как будто не знают, как он занят. Это непорядочно. Стремясь подорвать доверие к демократии, «подрубая сук, на котором сидят», подготавливая настоящую узурпацию и диктатора. Наше положение трудно, а критиков-противников — легче. „Кто боится, кто трусит, тот борется предположениями, сплетнями“. Если он, Керенский, может в 24 часа переменить весь командный состав, то из-за того, что за его спиной сила демократии. В армии то же настроение, что и в Совете рабочих и солдатских депутатов. Но окопы — темные массы, в чем повинно самодержавие — утомленные, раздраженные — нет элементарных удобств, и все же армия выполнит свой долг.

Финляндский вопрос ⁴. Керенского называют вторым Бобриковым ⁵. В день объявления войны он в Думе был за восстановление автономной Финляндии, а сейчас он против этого. Это дело Учредительного собрания.

По поводу вызвавшей недовольство речи и действий верховного главнокомандующего Алексеева сказано: „был Алексеев, а сейчас Брусилов“ ⁶.

Выступление Луначарского: «Не знаю, кто прячется при своих обвинениях, мы прямо и открыто говорим, если не согласны с Керенским. Керенский заявил — наступление зависит от стратегии и пр. Но плоха та демократия, которая в таких вопросах хочет полагаться на решения и мнения генералов. Ведь Вильгельм, Бетман-Гольвег и Шейдеман со всей прочей оборонческой немецкой кликой говорят, что русский народ не располагает своей судьбой. Теперь выходит, что этот важнейший из вопросов находится в зависимости не от воли народа, не от желания демократии, а от решения главнокомандующих. Сегодняшние слова Керенского сейчас же будут подхвачены германской прессой и раздуты до небывалых размеров. Будет поддерживаться басня, что русская революция — это взрыв шовинизма, и немецкая демократия поверит, что сила революционной России падает и слабеет. В вопросах, касающихся войны, нет места туманным фразам и уклончивым выражениям. Всякое такое туманное заявление — удар ножом в спину тем немецким социалистам, которые солидарны с русскими.

Относительно пункта 14 декларации, прислушавшись к мнению солдат и матросов на митингах в Кронштадте и Петрограде, надо сказать, что он встречает прямое недовольство. Керенский ссылается, что в декларации выражены взгляды боль-

шинства демократии, а не его личные. Неизвестно, как будут толковать выражение пункта 14 „в обстановке военных действий“. <...> Факт, что благодаря пункту 14 любовью солдат может быть расстрелян, если только офицер это найдет нужным. <...> Восстанавливать смертную казнь для солдата в то время, как она отменена в отношении всех остальных граждан, недопустимо. Нам нужно помнить единую великую вещь „добродетель демократии — недовольство и осторожность“. Поэтому нельзя с таким доверием относиться к тому, что постановили в своих резолюциях офицерские съезды по отношению к декларации. Мы не знаем, насколько офицеры до конца правдиво стоят против контрреволюции. Нужно помнить, что все здание русской революции покоится, главным образом, на плечах солдата. Вследствие этого недоверие к солдату в том, что он не сумеет выбрать себе настоящего начальника, является грубой и вредной политической ошибкой. Керенский сказал, будто у солдат есть право отвода нежелательных ему начальников, будто солдаты могут контролировать назначение, между тем ничего подобного в декларации прав военнослужащих нет. Хочу сказать о Финляндии, но истекает время.

Ответ Керенского: «Финляндцы спорят не о самоуправлении, а считают, что раз договор был с царем, который исчез, то Временное правительство не считается сюзеренным по отношению к Финляндии. Ответственность командного состава возможна только при ответственности каждого начальника за своего подчиненного. Советы могут контролировать назначение, как это следует из соответствующих приказов по армии. Смешно говорить о восстановлении смертной казни для солдата. Тов. Луначарский еще недавно приехал и, должно быть, не знает, что в настоящее время офицер никогда и ни за что не заставит расстрелять товарища-солдата. Об этом говорить невозможно, однако слова „во время боя“ можно исправить».

Выступление Луначарского в Петроградском Совете произвело впечатление и вынудило Керенского выступить вторично с попыткой защитить свою позицию.

Так начала разворачиваться на новом этапе боевая деятельность Луначарского, одного из крупнейших ораторов большевистской партии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Роль всероссийского центра Советов играл Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

² Представитель Семеновского полка передал Керенскому серебряные георгиевские кресты и медали, пожертвованные на дело войны.

³ «Декларация прав солдата» от 11 мая 1917 г. была опубликована в газетах 14/27 мая 1917 г. По существу декларация оставалась в силе все контрреволюционные приказы Гучкова и старые царские приказы. Пункт 14 декларации гласит: «Никто из военнослужащих не может быть подвергнут наказанию или взысканию без суда. Но в боевой обстановке начальник имеет право под своей личной ответственностью принимать все меры до применения вооруженной силы исключительно против неисполняющих его приказанья подчиненных. Эти меры не считаются дисциплинарными взысканиями». Пункт 18: «Право назначения на должности в указанных законом случаях, временного отстранения начальников всех степеней от должностей принадлежит исключительно начальникам. Точно так же они одни имеют право отдавать распоряжения, касающиеся боевой деятельности и боевой подготовки части, ее обучения, специальных ее работ, инспекторской и хозяйственной частей. Право же внутреннего самоуправления наложения наказания и контроля в точно определенных случаях принадлежит выборным войсковым организациям, комитетам и судам».

⁴ 11/24 марта 1917 г. в Финляндии был утвержден коалиционный сенат: 6 от с.-д. и 6 от буржуазных партий. Сейм был избран еще в 1916 г., и в нем было большинство с.-д. Ссылаясь на будущее Учредительное собрание, Временное правительство не согласилось даже на автономию Финляндии. Большевистская фракция I Всероссийского съезда Советов вынесла резолюцию о передаче всей законодательной и исполнительной власти в Финляндии сейму. Эта резолюция была положена в основу «закона о верховной власти», принятого сеймом 5/18 июня 1917 г. Временное правительство, увидев в этом нарушение своих верховных прав, объявило сейм распущенным.

⁵ *Бобриков К. И.* (1830—1904), финляндский генерал-губернатор с 1898 г., проводил русификацию края, ввел русский язык в делопроизводство Финляндии, фактически упразднил финскую конституцию. Убит 3 июля 1904 г. финским террористом.

⁶ В этот день Брусилов был назначен верховным главнокомандующим вместо Алексева.